

АРУЕУ

Александр
ПРОЗОРОВ

Приец:

Аркантский
КОДУН

Молот Одина

Хозяйка
Валгалды

Властелин
булата

Власть любви

Александр ПРОЗОРОВ

Приец

Книга пятая

Власть любви

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Разработка серийного оформления
А. Саукова, Ф. Барбышева

В оформлении переплета использована работа *В. Петелина*

Прозоров, Александр Дмитриевич.

П79 Ариец. Книга пятая. Власть любви : [фантастический роман] / Александр Прозоров. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Ариец).

ISBN 978-5-699-98813-6

По воле могучего бога Волоса зачарованный кречет выбрал из нашего мира пятерых прямых наследников всемогущего Сварога, самых сильных и умелых, и перенес их в девятый век до нашей эры, в котором бушует война славян со скифами и оборотнями. Боги прошлого надеются, что далекие потомки помогут им достичь победы над врагом. Но что сможет изменить в жестоком мире неолита юная ведьма Светлана, умеющая лишь варить приворотное зелье, освящать семейные узы да заглядывать в будущее через текучую воду?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98813-6 © Прозоров А.Д., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ПРОЛОГ

Влажная весенняя степь алела тюльпанами от горизонта до горизонта, словно залитая до краев свежей, еще живой кровью. И так же, как кровь, она пахла паром, слабой кислоткой и сладостью.

Сию раскинувшуюся под голубым небом красоту обозревали с высоты городской стены пятеро мужчин: двое молодых воинов — коротко стриженные, с куцыми еще, рыжими бородками, одетые в замшевые куртки и штаны, опоясанные широкими поясами, с которых свисали в веревочных петлях боевые палицы с каменным навершием и неизменные для скифов бронзовые ножи; двое воинов пожилых, с обветренными морщинистыми лицами, седовласых и седобородых, в запахнутых кожаных плащах, изрядно уже истертых и потерявших цвет, а также широкоплечий плечистый паренек, ростом едва достающий до плеч своих товарищей, однако облаченный в меховую накидку с широкой куньей оторочкой и островерхую кожаную шапку, украшенную над лбом крупным рубином в золотой оправе. Золотой была также и фибула, застегивающая ворот его плаща.

— У меня плохое предчувствие, братья, — пробормотал коротышка, оглядывая бескрайнее тюльпанное поле. — Я не чувствую дальних сторожевых оберегов.

Словно бы кони стоптали нанесенные на землю защитные руны. Причем сразу все.

— Так ведь весна, великий, — пожал плечами один из молодых воинов. — Все сырое, все течет и расползается. Вестимо, они просто размокли.

— Сразу все? — недоверчиво отозвался левый седобородый воин.

— А что еще может случиться, воевода? — оглянулся на него молодой. — Про беглых рабов вестей не приходило, окрестные роды за зиму на диво ни разу не ссорились. Чужаки же возле наших мастерских и вовсе никогда не появляются. Сюда даже варяги со своей солью, и то отродясь не добирались.

— Все когда-нибудь случается в первый раз, — хмуро изрек воевода.

Недоверчиво усмехнулись сразу все. Ибо небольшой город медеплавильщиков стоял слишком далеко от лесов с чужими народами, от торных рек с тяжело груженными стругами, от иных привычных смертным людям путей. Так же, как все прочие города великого скифского Аркаима, этот был построен не там, где удобно жить или путешествовать, а там, где удобно работать — возле одного из глубоких медных рудников. И сама его конструкция предназначалась не столько для сносного обитания или обороны, сколько для выплавки меди или бронзы. Твердыня состояла из двух высоких земляных валов, насыпанных кольцами и отстоящих один от другого всего на двадцать шагов. От одной насыпи к другой были перекинуты бревна, что создавали огромную общую крышу, засыпанную для тепла толстым слоем дерна. Когда-то по краю стоял тын, но за пару поколений он полностью сгнил, так ни разу и не понадобившись, и потому более не восстанавливался.

Ныне поселение выглядело снаружи как самый обычный, густо поросший травой холм, но внутри его, во многих десятках загоронок, круглый год жарко полыхали горны, сотнями пожирая возки дров и руды, черпая воду из глубоких колодцев, и круглый год лучшие мастера скифского народа отливали в закопченные формы котлы, подносы и украшения, ножи и топоры, застежки и жаровни...

— Смотрите!!! — внезапно вытянул руку правый пожилой воин.

Через тюльпаны, раздвигая ногами бордовые бутоны, не спеша шествовала юная русоволосая девушка в легком замшевом сарафане, опоясанная простой веревкой, которую оттягивала лишь сплетенная из листьев рогоза сумка. Голову незнакомки украшал веночек из полевых цветов, а запястье — браслет из разноцветных нитей.

— Откуда она взялась? — в недоумении переглянулись молодые скифы. — Ведь только что никого не было!

— Так вот почему молчат все мои обереги... — прищурившись, пробормотал коротышка. — Похоже, нас навестила одна из богинь.

— Богиня?! — Воины с любопытством вытянули шеи. — Кто такая, из какого народа?

— Полагаю, сейчас она сама нам о сем поведаст, — спокойно ответил их низкорослый повелитель и сделал шаг вперед.

— Прикажешь призвать на стены отдыхающую стражу, великий? — с тревогой спросил пожилой воевода.

— К чему? — пожал плечами коротышка. — Пусть спят. Им еще рабов ночью караулить. С одинокой гостьюй я как-нибудь справлюсь.

— А если она не одна? — Воевода нащупал на груди защитный амулет, сжал его в кулаке. Повел взглядом по сторонам. — Вроде как шуршит кто-то в цветах?

— Зверей каких-то девка спугнула, — презрительно хмыкнул молодой скиф. — Только и всего.

Гостья наконец-то пересекла окружающее город поле, остановилась возле земляной стены и громко объявила:

— Спустите лестницы, скифы, и выходите в поле! Тогда вы все сохраните жизнь, а ваши семьи останутся неразлучными.

— Кто ты такая? — неуклюже приковылял к краю стены коротышка.

— Спустите лестницы, и я не стану никого убивать! — повторила свое требование девушка.

— Ты хоть знаешь, с кем говоришь, несчастная? — холодно поинтересовался низкорослый скиф.

— Полагаю, ты один из злосчастных детей богини Табити? — чуть склонила голову набок гостья. — Уж не желаешь ли ты обратить меня в камень? Полагаешь, получится?

— Против дара великой прародительницы скифов бессильны даже боги, дерзкая девка! — предупредил коротышка. — Коли ты желаешь пережить этот день, тебе лучше меня не сердить. Поэтому стой смиренно и отвечай на мои вопросы. Кто ты такая и чего тебе нужно возле моего города?

— Все очень просто, о великий сын змееногой богини Табити! Я разгадала секрет всемогущества скифского народа! — развела руками юная гостья. — Ваш секрет вовсе не в тучных стадах и бескрайних степях, о великий, ибо здешние земли скудны. Здешние вольные просторы неспособны прокормить даже одну семью, и потому степняки вынуждены проводить жизнь в скитаниях, путешествуя вслед за своими поедателями

траву табунами и отарами. Но как бы вы ни старались, все равно скот не может дать своим хозяевам ничего, кроме шкур и мяса. Ваш секрет вовсе не в могуществе великой Табиты, умеющей ходить сквозь священный огонь на любые расстояния, обращать живые существа в камень и даровать отнятую жизнь обратно. Секрет величия вашего народа спрятан здесь, в аркаимских городах и шахтах. Именно здесь вы добываете драгоценную бронзу, каковая потом обращается в котлы, украшения и жаровни. Здесь вы добываете чудесный металл, на который вымениваете себе хлеб и ткани, самоцветы и соль, дерево и нефрит. Именно здесь, в медных рудниках, бьется истинное сердце степей!

— И зачем ты рассказываешь мне все это, несчастная? — скривился коротышка.

— Неужели непонятно? — звонко рассмеялась неведомая богиня. — Я отвлекаю ваше внимание.

— Что-о?! — Скифы оглянулись и увидели десятки волков, рысей и медведей, бегущих к ним уже по земляной крыше города. Лесным и степным зверям не составило труда бесшумно пробраться сквозь сочные высокие травы и стремительно подняться наверх по земляным стенам. Стоило только страже отвернуться, посмотреть пару минут в другом направлении... И все, сопротивляться стало поздно.

Девушка резко вскинула руку, и из-за ее спины выступили четверо лучников. Почти одновременно тренькнули четыре тетивы, и четыре стрелы с острыми кремниевыми наконечниками вонзились низкорослому потомку Табиты в спину и правый бок. А еще через миг — еще четыре.

Правитель города молча рухнул, остальные скифы выдернули из поясных петель оружие. Однако кидаться вчетвером на многочисленную звериную стаю не торопились. Уж очень неожиданным и непривычным ока-

зался их враг. Звери тоже не нападали — лишь скалили зубы и угрожающе рычали. Медведи окружили черные зевы люков, росомахи, вода носами, бегали по плоской вершине рукотворного холма, волки, угрожающе вздыбив шерсть, плотно окружали четверых воинов.

Заминка длилась совсем недолго — по земляному склону вскарабкались наверх несколько мужчин в меховых одеждах, взялись за лежащую у края стены жердяную лестницу в два шага шириной, толкнули через опорное бревно вниз. И после этого на крышу не имеющего ворот города забежали уже десятки крепких воинов с палицами и топориками в руках.

Одной из последних наверх поднялась девушка в венке, пробралась через стаю вперед, к скифам.

— Как я уже говорила, — ласково сообщила она, — мне не хочется никого убивать. Бросьте оружие, дети степей, и вы останетесь живы.

Четверо воинов переглянулись. Один из пожилых тихо выругался и уронил палицу себе под ноги. Остальные скифы последовали его примеру.

— Вот и славно, мудрые воины, — облегченно вздохнула гостя. — Мы опять обошлись без крови. Веса-сар, носи сюда зеркало!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Родовая ведьма

БАБУШКИНО ПЛАТЬЕ

Как положено настоящей сказочной истории, эта началась в ночь перед Рождеством, в занесенной снегом деревеньке, притаившейся неподалеку от Валдая, на узеньком шоссе, ведущем от старой московской трассы к древнему, как валдайские ледниковые морены, городу Удомле. И пускай ныне в не менее старинной Озеровке большинство домов принадлежали не крестьянам, а московским дачникам, пускай в каждой избе горели не лучины, а яркие электрические огни, пускай на деревьях и заборах перемигивались светодиодные гирлянды, пусть во дворах отдыхали ныне не лошади и коровы, а джипы и кроссоверы, пусть в горницах пылали каминны, а не печные топки, пусть в окнах сверкали стеклопакеты, а не белело промасленное полотно, однако избы оставались все теми же несокрушимыми бревенчатыми громадинами, каковые стояли здесь не первый век и надежно укрывали от невзгод и морозов многие поколения русских людей. Как было и многие века назад, на улице сверкал в лунном свете такой же снег, что видели деды, прадеды и прапрадеды здешних обитателей, мела такая же поземка, перемигивались те же звезды, и потому нынешняя праздничная ночь была для смертных столь же завораживающей и магической, как сто, и двести, и тысячу лет назад.

Именно с этим рождественским настроением Светлана, приехавшая вместе с родителями в старый деревенский дом, ныне именуемый «дачей», и подняла крышку старого бабушкиного сундука. Ибо приближалось время святок, и девушке хотелось найти какую-нибудь старинную одежду, дабы завтра поутру удивить соседей необычным нарядом.

Вполне современная восемнадцатилетняя красotka — возможно, чуть крупноватая, но зато с яркими голубыми глазами, длинными каштановыми волосами и мягкими чертами лица, Света не отличалась суеверностью. Трудно обрести религиозность, будучи студенткой фармакологического института и на протяжении двух лет рассматривая человека как большую банку с химреактивами. Однако бокал шампанского, смех катающихся с горки детей, звон колоколов, хрустящий под ногами наст, полная Луна и звездное небо и само осознание наступающего праздника сыграли свою роль — Света поддалась общему рождественскому наваждению. Ей захотелось избавиться от джинсов и пуховика, вязаной шапочки и наушников и стать той сударушкой, каких рисуют на лубочных картинках: розовощекой и веселой, в пуховом платке, полушубке и в сарафане с пышными юбками.

А еще родовая память подсказала ей про вывернутые мехом наружу тулупы, маски с рогами, гудки и бубны, про горки и санки, конфеты и пироги, про гулянья и гадания, пятнашки и снежки и прочие деревенские развлечения, испокон веков творящиеся в здешних лесах между Рождеством и Крещением.

Все это, вместе взятое, и привело студентку-фармацевта на чердак, к старым, серым и пыльным сундукам.

Здесь, наверху, до сих пор ошутимо веяло девятнадцатым веком. Чердак, засыпанный уже порядком

перепревшей, но все еще вполне узнаваемой соломой, с кровлей не из балок или лаг, а из самых обыкновенных, грубо ошкуренных сосновых бревен, сверху застеленных жердями, среди которых топорщились края древней дранки...

Ремонтируя крышу десятков лет назад, родители Светы не стали ее разбирать, а просто кинули новую кровлю поверх старой, отчего над домом стало заметно теплее.

И само собой, здесь до сих пор не имелось никакой проводки и никаких лампочек, так что подсвечивать себе девушке пришлось смартфоном.

Поднявшись наверх по приставной лестнице, студентка, осторожно ступая на ломкие желтые стебли, медленно прошла между старой радиолой и телевизором, перешагнула катушечный магнитофон с большими колонками, затем пробралась между рамами железной кровати, остановилась возле трех огромных ящиков с обитыми толстыми медными полосами углами, отерла ладонью полукруглую крышку ближнего, повернула торчащий из замочной скважины ключ, потянула вверх металлическую рукоять.

Изнутри, на удивление, пахло лавандой, а вовсе не плесенью или затхлостью, как этого ожидала Светлана. Хранящиеся внутри сокровища тоже выглядели свежими и нарядными: сложенные ровными стопками белоснежные кружевные подзоры и рушники, вышитые наволочки, скатерти, занавески и пододеяльники, а рядом — платки, юбки, чулки, сорочки.

Заметив среди всего этого добра полоски серого вельвета, девушка потянула ткань к себе, и неожиданно в ее руках развернулось длинное платье с разноцветной бисерной вышивкой, золотистым шелковым поясом и сандаловыми палочками вместо пуговиц.

— Ого! — Света встряхнула находку, окинула придирчивым взглядом. — Очень даже нехило... Вечерним платьем не назовешь, но в театр или на концерт в нем хоть сегодня можно отправляться!

Перекинув добычу через плечо, девушка еще несколько минут перебирала вещи, после чего выбрала две сорочки и все юбки, свернула их под мышку, закрыла тяжелую крышку сундука и повернула ключ в замке.

Спустившись в свою комнату, Светлана разложила «обновки» на тахте, еще раз придирчиво все осмотрела и даже обнюхала, после чего решительно разделась донага и через голову натянула сорочку с кружевами у ворота. Затем надела одну за другой все юбки — откуда-то из подсознания она еще помнила, что зимой их чем больше, тем лучше. С одной стороны, теплее, с другой — «пачка» намного пышнее смотрится. И поэтому в платье девушка влезла только после того, как нацепила себе на пояс целых пять сатиновых «исподниц». Оправила тяжелую ткань, затянула пояс, застегнула палочки-пуговицы на левом плече. Повернулась к стоящему в углу возле окна порядком облупившемуся трельяжу и вскрикнула от неожиданности! Из-за стекла на нее смотрела тонкогубая, улыбчивая и совершенно седая старушенция, на лице которой даже морщинки складывались в веселое выражение.

— Что... Что со мной такое?! — испуганно вскинула ладони к лицу студентка. — Я состарилась?! Как это случилось?!

— Зачем же ты так пугаешься, милая? — удивилось ее отражение. — Не чужая ведь тетка явилась тебе, Светик мой ясный, а родная бабушка. Нешто я тебе зло какое хоть когда причиняла?

Девушка замерла, вглядываясь в стекло, подошла чуть ближе. В душе ее колыхнулось воспоминание о те-

плых ласковых руках, напевных сказках, пирогах с черникой и густой, словно плавленный сыр, чуть желтоватой сметане.

Чарующее дыхание далекого беззаботного детства...

— Вот мы наконец-то и встретились, внученька, — произнесла пожилая женщина.

— Бабушка? — неуверенно произнесла Светлана, подойдя к зеркалу еще на пару шагов. — Но как это может быть?

— Я не дождалась, когда ты вырастешь, мой ясный лучик, — светлые губы старушки тронула слабая улыбка. — Воспитать тебя как надобно мне не удалось. Посему я заговорила сие праздничное платье. Когда оно стало тебе впору, оно меня разбудило.

— Но как?! — все еще не понимала девушка. — Бабушка, ты же...

— Умерла, — закончила за внучку, запнувшуюся на полуфразе, старушка. — Ничего страшного, Светик. К счастью, моя милая, для нас с тобой смерть не так страшна, как для прочих, обычных людей.

— Это... Это какой-то розыгрыш, да? Это экран? — Девушка протянула руку, коснувшись пальцами холодного стекла.

— Все намного сложнее, милая, — наложила ладонь со своей стороны старушка. — Это зеркало, Светлана. У женщин нашего рода с зеркалами своя, особенная связь. Они даруют нам куда больше силы и возможностей, нежели ты способна даже вообразить. К сожалению, не всем. Твоя матушка сего дара оказалась лишена. Зато ты с самого рождения светилаешься могуществом.

Девушка хмыкнула, прикрыла одну из створок трельяжа, заглянула за него. Не заметив никаких проводов, опустила на колени, заглянула снизу. Затем по очереди выдвинула все три ящика подставки.